

Ирина Луна

Сказки - ложь...

сказки-зарисовки

6+

Ирина Луна

«Сказки – ложь...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48775147

SelfPub; 2019

Аннотация

Легкие милые сказки-зарисовки для семейного прочтения. Чуть-чуть волшебные, чуть-чуть познавательные. Для чтения с детьми в уютный вечер или дождливый выходной, чтобы быть друг другу ближе.

Масленица.

Бутылка молока стояла на столе, на круглом столе, накрытом ветхой, но не обидно старой скатертью с кистями. Наверное, поэтому молоко в бутылке чувствовало себя уютно и умиротворенно. Оно появилось тут недавно, было свежее, теплое, гордое своей полезностью и способностью мечтать. А мечты его были простыми и легко исполнимыми. Мечтало оно быть налитым в красивую фарфоровую кружку или на тоненькое ажурное блюдечко или на крайний случай в белую с алыми маками кастрюлю, где пыхла и нежилась на малом огне каша. Молоко изначально знало, что из фарфоровой кружки оно будет выпито маленьким смешным существом с кудряшками на макушке, которое соберет в кучку пухлые губки, и будет медленно тянуть в себя белую благодатную жидкость, хитро поглядывая то на старенькую бабушку, то на блестящий паровоз, нетерпеливо выглядывающий из соседней комнаты. А из фарфорового блюдечка его вылакает существо мягкое и пушистое. Вылакает, не торопясь, смакуя аппетитную сладость. А потом будет довольно урчать, долго облизываясь, продлевая удовольствие. Кашу вечером, поставит на ужин бабушка, похваливая в полголоса и хорошо созревшую крупу, и румяную корочку, которой не бывает без него, без молока.

Представив себе эту картину почти как наяву, молоко так заволновалось, что от волнения сверху выступила пленочка сливок призывно матового цвета с капельками масла. Ах, ка-

кие приятные мгновения! Молоко еще долго представляло себе свое многообещающее будущее, но ничего не происходило. Существо с кудряшками спокойно копошилось среди игрушек, пушистая любительница поурчать, спокойно спала на бабушкином кресле, а бабушка... Бабушка даже не подходила к столу, проявляя полное равнодушие к такому белому, такому вкусному...

И так прошел день,... и ночь... Молоку стало сначала грустно, потом обидно. А самое главное, непонятно. В его сознании не было примера другого служения, более достойного и важного. Ночь прошла в томительной, почти безнадежной растерянности. Когда до молочной бутылки дотянулись первые лучи света, то даже они почувствовали жалость и сочувствие к тому, что осталось от ...молока. Потому что в бутылке была ...простокваша. Да! А какие могут быть надежды у простокваши? Угрюмая и скучная она продолжала горевать внутри себя. Маленькие пузырьки, похожие на вздохи поднимались вверх, и ничего не говорило о приятных переменах.

Когда смелое, и играющее со всеми в прятки, солнце поднялось высоко, к столу, наконец, подошла бабушка. Неожиданно энергично она вдруг взяла молочную бутылку, быстро встряхнула и вылила содержимое в ту самую заманчивую кастрюлю с маками. С этой минуты все задвигалось, закружилось и понеслось в последовательном уверенном движении приготовления чего-то таинственного. В кастрюлю плюхну-

лись два озорных толкающих друг друга желтых близнеца, похожих на солнечный круг. Потом туда отправилась щепотка вечно въедливой соли, чайная ложка смешливого и очень прилипчивого сахара. Наконец, все это неожиданное соседство оказалось засыпано чем-то белым, невесомо плотным, и, несомненно, играющим самую важную роль во всем этом действе, веществом. Тут бабушка взяла большую ложку, и началось такое веселье и круговерть! Простокваше даже некогда было вспомнить о прошлых обидах. Потом большой деревянный половник опустился в кастрюлю, наполнился и выплеснул массу на раскаленную сковороду, с играющим в догонялки маслом. Сразу запахло так вкусно, что на кухне скоро появилось существо с кудряшками, и за ним следом пушистый попрошайка. Но бабушка молча снимала со сковородки аппетитные круглые лепешки, не угощая никого пока, и отправляя любопытных и смешно приносивающихся малышей прочь с кухни. Масло то вон как разыгралось. Не обжечь бы.

Когда гора лепешек стала такой большой, что еле умещалась на тарелке, сковорода, наконец, перестала ворчать. Добросовестно наработавшись, она отдыхала, постепенно отпуская жар. Бабушка, между тем, взяла один, самый верхний блин и, открыв окно, вдруг... выбросила его на подоконник. И в тоже мгновение маленькая шустрая птичка ухватила его и понесла, откровенно радуясь неожиданной удаче. «Ну, и, Слава Богу!» – сказала бабушка: «Понесла на небо, передать

привет! А теперь и нам можно! Ай, да блины, угодились! Одно удовольствие, что смотреть, что есть! Хорошо было молочко, а из простокваши блины вкуснее!» Бабушка приговаривала, да хлопотала у стола. И как в сказке, на нем расцвели букетом тарелочки с маслом, со сметаной, с малиновым и смородиновым вареньем. Появился пузатый, расписанный диковинными птицами, заварочный чайник. К этому времени аппетитный блинный запах постепенно добрался до комнат и опять выманил к столу главных героев бабушкиного застолья, маленького внука и смешного котенка. Глядя, с каким удовольствием два малыша измазавшись сметаной, уплетают блины, душа бабушки наполнялась тихой радостью, а мысли думами: «Вот Масленицу проводили, теперь и весна не за горами, солнышко почаще выглядывать будет, пригладит теплым светом своим, потемневшие сразу, сугробы, снег осядет, в пригретых проталинах появятся луковые перышки, порадуют первой зеленью... земля вздохнет, потянется от долгого зимнего безделья, ...потом и скворцы прилетят, ...потом почки набухнут...потом... Хорошо...»

Дорога без конца.

Деревенька притулилась, да можно сказать не притулилась, а тихохонько, но вольготно расположилась на пересечении старого колхозного поля, заросшего, щедрой по причине июля, травой и маленького лесочка, когда-то, к слову сказать, бывшего большой густой чащобой, населенной разнообразными лесными жителями. Правда, было это очень

давно. Сейчас здесь кроме мышей-полевок да вечно взбалмошных сорок, никто из зверья давно не жил.

Домов в деревеньке было не много. Ну, может десять-двенадцать дворов набралось и то с трудом. На зиму в ней оставались жить лишь немногочисленные старожилы в виде, потерявших счет годам, двух семейных пар: местных бабки Мани с дедом Петром, деревенских интеллигентов Анны Тимофеевны и Кирилла Петровича, и чудаковатого деда Луки. Остальные жильцы в деревню наезжали в летние отпуска. С гомоном, настырным шумом машин, визгом детей и громкой музыкой они нарушали привычный спокойный уклад жизни стариков интеллигентов. А вот деду Луке нравилось. Был он особенным, совсем не похожим на обычного привычного старика, человеком и поэтому не очень дружил с обоими супружескими парами. Он не признавал их за скучность, а они считали его баламутом не по годам и вообще человеком не от мира сего. И лет-то ему непонятно сколько было. Вроде по виду дряхлый совсем, с палочкой и согнутой спиной, а кому посчастливилось глубоко взглянуть в его глаза, сразу усматривали что-то необычное, удивительное что-то. То ли свет, то ли блеск. Сразу и не разберешь. Но хотелось остановиться, спросить хоть пустяк, какой. И что самое любопытное, через короткий миг общения исчезали куда-то, растворялись как в тумане и сгорбленная спина и глубокие морщины на лице. А может, и не исчезали, а просто, мерещились поначалу. Так вот, этот дед Лука, прежде всего очень любил

задавать вопросы, которые глупых людей вводили в глубокое недоумение, а у умных вызывали удивление и печальную задумчивость. Например, мог дед Лука, проходя мимо дрящего свою машину-иностранку лощеного дачника, спросить, как давно тот давал возможность погладить живого кролика своему сыну, которому сейчас пятнадцать лет. Да чтоб не один тот гладил, а вместе с отцом, а? И не дожидался его ответа, а проходил себе дальше. Ему не важна была реакция любителя чистых машин, покрутит тот у виска или может быть задумается, машинально вытирая руки синтетической ветошью. Главное озвучить мысль... Дед Лука так и говорил: «Главное мысль озвучить, кому надо тот услышит».

Больше всего дед Лука любил, сидя у своего дома на уютной кривенькой скамеечке под старой дуплистой березой рассказывать всякую всячину ребятишкам. Сочинял истории Лука знатно. Фантазия у него была богатая и буйная, накопленная глухими одинокими зимними днями и вечерами. Летом она выливалась безудержным фонтаном на слушателей, сдобренная несомненным актерским даром. Тот, который от природы, а не от ума. Родители, привезшие своих чад для поправки здоровья в деревню, на чистый воздух и козье молоко, своим взрослым разумом, а не детским желанием, оторвавшие их от компьютеров и онлайн-игр, сходили с ума от их не управляемой и нерастроченной энергии. Не знали чем их занять и к какому делу приспособить в такой непривычной для городских жителей жизни. И тут то и подвора-

чивался им Лука со своими придумками. Ребятишки очарованные его рассказами вились вокруг деда мелкой мошкаррой и готовы были слушать его байки с утра до ночи, забыв про обеды-ужины. А он только этого как будто и ждал. И сочинял то ли сказки... то ли притчи, то ли в заправду случившиеся истории... только были они всегда не только занимательные и увлекательные, а больше полезные для детского, еще он очень развитого, воображения. Одна такая история была про дорогу.

Ну, вот. Жила была дорога. Нет, сначала она была просто тропинкой, даже можно сказать тропкой. В лесу, конечно. В лесу глухом и еще первозданном. ...Была весна. Нет, скорее всего, лето, конец лета. Однажды один из тысячи муравьев, живущих в этом лесу, в большом доме- общежитии у корней вековой сосны, может быть в поисках пропитания, может в поисках своего нового дома, а может просто, любопытства ради, решил отойти от родного муравейника чуть в сторону. Отошел и нашел много чего интересного. Новые цветы, наполненные нектаром, к которым, по какой то причине, не добрались еще пчелы и бабочки, эти вечные соперники за пропитание. Нашел много всякого нужного для муравьиной жизни среди лесного мусора, сметенного в кучу вчерашним ночным ветром. Довольный таким положением дел маленький разведчик поспешил обратно, чтобы поделиться приятной новостью с остальными сородичами. И вот уже шагали за ним муравьиные родственники. Маленькие трудяги сосре-

доточенно топали друг за другом, таща на своих плечах соломинки, листочки, каких то жучков и мошек, с трудом пробирались через ямки и кочки. Туда и обратно, туда и снова обратно. И так бесконечно, пока не протоптали они маленькую, чуть заметную тропку. Вроде и нет ее еще, а вроде и есть уже. Когда вся добыча была перетаскана, разложена и рассортирована по всем многочисленным этажам муравьиного жилища и хозяева приступили к заслуженному ночному отдыху, в лесу проснулись ночные жители. По маленькой тропке пробежала сначала мышка, потом прошуршал ежик, потом еще кто-то поленился идти по высокой траве по бездорожью и таким чудесным образом через некоторое время, дорожка, протоптанная муравьиной армией, превратилась в звериную тропу. И к началу осени по ней стали спускаться напиться к ручью сначала мелкие жители леса, а потом появились и сородичи посерьезнее. Утаптывая лапами и копытами податливую землю, прошли звериные мамы с выводками детенышей, потом, не торопясь, прошагало лосиное семейство, обгладывая по пути, нависающие над тропой ветки. И таким незаметным образом пространство освобождалось от лесной растительности, просвет среди деревьев увеличивался, стало видно небо. И совсем скоро на дорожку впервые ступили маленькие ноги человеческих детенышей. Деревенские ребяташки, собиравшие первые осенние грибы, чутьем кладоискателей обнаружили удобный проход по лесу и стайками пошли по нему с корзинками с грибами и ягодами. И

так много было от них счастливого гаму и крику, что лесные жители уступили им этот путь, отправившись прокладывать дорогу в другом месте. Да, а эта теперь действительно уже дорога, расширялась, крепла, и зимой по январскому снегу впервые проехали по ней сани, везя смелого залихватского мужика в лес по дрова. За ним по накатанному снегу еще одного, потом еще. К концу зимы уже целый обоз отправился из одной деревни в другую с грузом разной утвари и припасов на обмен и продажу. Так вот и появилась на земле первая дорога. Потом соединилась она с такой же другой. И вот потянулась от одной деревни до другой, потом до следующей, пока не опутала своими нитями всю землю. А через много-много лет превратилась в заезжий тракт. Тракт умостили, укрепили и день и ночь по нему шли пешком и ехали. Поначалу телеги, повозки, потом, через много веков железные кони – машины. И настало такое время, когда закатали дорогу в асфальт, придавили тяжелыми грузовозами, запачкали бензином и всякой другой грязью, и стала она называться грубым бездушным словом трасса. И стало от этого дороге тяжело и грустно. Стала она с тоской вспоминать про свою лесную прародительницу и мечтать, как она вздыбится, скинет ненавистную асфальтовую корку с себя, станет непроезжей и непроходимой, закиснет глубокими осенними лужами и непролазными глиняными кручами, зарастет травой, густым кустарником, а потом и непроходимым дремучим лесом. И будет жить как прежде среди леса и лесного

звериного народа маленькой, но свободной тропкой и будут по ней ходить только муравьи и то по одному, ну по два, чтоб не скучно было. И чтоб никому кроме них не видно было, что вроде есть она еще дорога, а вроде и нет уже.

Когда лето стало клониться к закату, уставшие от природы дачники стали собираться по домам, в привычные для себя такие удобные и комфортные для жизни города. Складывали в машины банки с вареньем, торбы с сушеными грибами и яблоками, закрывали до следующей зимы окна ставнями и отъезжали. Ехали они сначала по ухабистой проселочной дороге, потом по ровной асфальтированной. И для взрослых, умных, образованных взрослых это была просто удобная дорога. А вот сидящие на заднем сиденье ребятишки видели перед своим воображением совсем другую дорогу – муравьиную и та им нравилась гораздо больше.

Снежинка.

Она не знала, откуда она появилась и когда. Просто в какой-то миг она почувствовала, что она есть. Она даже не знала – где она есть, во времени или в пространстве, а может быть только в собственном сознании? Вокруг была пустота, невесомость, бесконечность и все это заливал свет. Он был единственно родной и понятный.

Для начала, она постаралась почувствовать себя чем-то, ... ну хоть чем-нибудь. И почувствовав, решила, что она абсолютна, невесома, и возможно красива. Появившись только что, она почему-то уже знала, что тонкие иголки, вели-

чественный холод, идеальная гармония линий ее существа это чье-то волшебное творение. Лучшее творение, из того, что может возникнуть. Восторг охватил ее вдруг, и она закружилась, закружилась и почувствовала, что она не одна. Рядом были существа, которые тоже кружились или легко парили то вверх, то вниз и она узнала в их движении тот же восторг, который пережила только что. «Это тоже я?» – подумала она. Но тут же решила, что «нет». Ведь я не могу быть и тут и там. Значит, это другие. Другие? Такие же прекрасные и совершенные? И она воскликнула: «Послушайте! Вы кто?» Но никто не откликнулся на ее робкий голос. Тогда она стала просто наблюдать. И увидела, что все они подчиняются какой-то силе, которая позволяла им то самим выбирать путь незаметного движения, похожего на дыхание, то быстро подхватывала, собирала в причудливые узоры, а потом уносила куда-то в сторону. Постепенно эта игра увлекла ее, очередной поток подхватил, и она понеслась вместе с другими куда-то в бездну. Вместе с другими, но пока совершенно одна.

На какое то время это быстрое движение стало ее жизнью, и она подумала, что, наверное, для этого она и появилась, чтобы лететь вот так, без конца и края, с другими красавицами, так похожими на нее. Но только она об этом подумала, как поняла, что что-то изменилось. Она больше не парила, не летела, она вообще не двигалась. И те, что неслись рядом с ней, тоже остановились. Прижавшись тесно, друг к другу, в

ужасе от незнакомого состояния и неизвестности эти хрупкие создания приготовились умирать. Но, остановившись, они не погибли, а образовали большую белую массу, которая сверкала и переливалась в лучах такого родного привычного с рождения света.

Не сразу успокоившись, белые странницы сплотились еще больше, но все равно первое время каждая еще продолжала думать о себе как об особенном неповторимом создании. Постепенно со временем, которое текло и текло, они привыкли быть вместе и даже начали ощущать себя единым целым. Они даже начали думать: «Мы. Мы – белые красавицы, мы – недотроги, мы – абсолютны». И только они стали привыкать к своему новому состоянию, как однажды, в их общем сознании родилось совсем удивительная мысль: «Мы не одни. Рядом есть еще Кто-то». Произошло это тогда, когда напредила о себе та сила, что кружила и носила их по белому свету долгое время. Она появилась внезапно. Она шумела и выла и пыталась сдвинуть с места большую белую мягкую массу, в которую превратились волшебные маленькие существа. Но они только плотнее прижимались друг к другу и к чему-то шершавому, твердому, но Живому, которое почувствовали рядом и называли его просто – Другой. Этот Другой с трудом дышал, вздыхал, иногда стонал под натиском силы, но не двигался с места. Несколько раз белым красавицам даже слышался треск, который издавал этот шершавый Другой. Они догадывались, что их соседу нужна по-

мощь. Но что они могли дать ему, кроме сочувствия и ласки, и плотнее укутывали его той белой пеленой, которую образовали собой. Они не могли знать, что согревают его и этим спасают, не давая замерзнуть. Наконец сила постепенно стала слабеть, отступать, а потом исчезла совсем. Белые красавицы еще некоторое время волновались за своего шершавого соседа, но по его ровному дыханию поняли, что с ним все в порядке и успокоились. Правда, еще долгое время они все-таки прислушивались, сами не понимая, почему их это волнует, ... но им было приятно от этого волнения.

Время продолжало свою необъяснимую, непонятную жизнь и опять все стало меняться вокруг белых красавиц. Правда, они уже давно перестали себя так называть, они уже не были теми глупыми неопытными созданиями, занесенными сюда силой. Они были сплоченной, дружной семьей, познавшей радость безмолвного общения с другим существом. Каждая из них думала, что, наконец, познала истину своего рождения. Каждая была горда этим и уже почти забыла о своей уникальности, как однажды одна из них вдруг неожиданно отделилась от всех, превратившись в большую сверкающую голубую звезду. Поворачиваясь, то одной стороной, то другой стороной к свету она вдруг опять подумала: «Я абсолютна, я невесома, возможно, красива! Посмотрев вокруг, она увидела, что все пространство наполнилось такими сверкающими звездами, похожими на нее. Все рождающиеся звезды купались в мягких объятиях родного света, и

большой сверкающей голубой массой отправлялись в неизвестность дальше. Лишь в последний миг, успевали послать прощальный взгляд Живому соседу, который теперь дышал глубоко и свободно, отвечая тихой радостью и благодарностью уплывающим голубым звездам. В последний миг, перед тем как влиться в этот нескончаемый поток голубая Красавица успела понять следующую истину своей жизни, что когда ты приходишь в мир – ты прекрасна и неповторима и говоришь «Я». Но проходит время, что-то в тебе меняется, и тебе хочется радости от новой «роли», которая называется «мы»...

Поток из голубых существ то, замедляя движение, то, ускоряя его, стремился в неизвестное.... Каждая из них, ставшая звездой не думала о том куда «мы» держим путь. Просто ощущала восторг и забытое ощущение счастья бытия в пространстве света. Эта радость длилась довольно долго, до тех пор, пока однажды не появилось ощущение, что она утомилась от бесконечного движения и устала от близости с себе подобными, такими одинаковыми и такими бессмысленно радостными. Не то чтобы она хотела покоя и тихой грусти, нет, но какое смутное беспокойство стало тревожить ее, и заставляло размышлять. Уставшее от долгого бездумья сознание медленно, неповоротливо рождало смутные желания. Сначала, это желание было робким – просто вырваться из массы, сплотившихся в единое целое, похожих существ. Потом, появилось настойчивое желание что-то со-

вершить, что-то удивительное и прекрасное. И вот одна из них рванулась куда-то вверх, и вдруг распавшись на тысячи мельчайших пылинок, на мгновение вспыхнула, превратившись в живую радугу. Дала впитать себя чему-то несказанно красивому и жаждущему жизни, ощутила чужой восторг и... прекратила это существование. В последнее мгновение, она поняла главную истину своей жизни, что она не просто уникальна, неповторима и, безусловно, красива, а что она должна жить вечно, бесконечно изменяясь, становясь чьим-то дыханием, смыслом и радостью, умирать и возрождаться снова и снова.

В этот год весна была ранняя, талые воды быстро впитала в себя жадная до влаги земля, и когда наступило время цветения, земля снова хотела пить. Маленькая любознательная и внимательная девочка, которая часто появлялась в саду, чтобы посмотреть, как растут живые цветы, огорчилась, смотря на увядшие листья и поникшие лепестки... Особенно ее огорчал вид нового жителя сада – тюльпана, который рос совершенно один, в стороне от других, под старой яблоней. Наверное, поэтому ему мало доставалось воды и бутону никак не хватало сил раскрыться и явить себя миру во всей красе. Огорчившись в очередной раз, маленькая девочка спустилась к протекающему за садом весело журчащему небольшому, текущему из ближайшего леса ручью, зачерпнула из него воды в детское ведерко, бегом вернулась назад и... выплеснула всю воду на цветок. Маленький водопад оро-

сил водяной пылью, вянувший бутон. В этот момент девочке показалось, что она услышала удивленный вздох, прислушалась, но ...больше ничего не случилось. Зато на следующий день в саду под старой яблоней царски гордо цвел и благоухал сказочным ароматом тюльпан удивительного цвета – белого-белого с золотистой бахромой по краям. Он жил ...

Душа ветра.

Жил был ветер. Жил- был, поживал. Очень по разному поживал. В основном трудился. Когда-то в начале мира матушка природа поручила ветру заботиться о порядке вокруг нее. Вот он и заботится. То облака надо разогнать утром, чтоб солнышко не загораживали, то вечером снова, наоборот их в кучу собрать, чтоб дождик растения полил, и те красотой мир дальше радовали. Правда, если честно сказать, раньше у ветра работы больше было. Паруса на лодках надо было надуть – надо. На мельнице помочь муку смолоть тоже надо. Мошкарку отогнать от грибников в лесу опять же не обязательно, но по пути мелочь приятную можно сделать. Зимой в лесу деревья от мороза снегом укрыть опять же, как без него? И некогда было ветру грустить и придаваться меланхолии. Дел всегда было так много, что только успевай поворачиваться. Время бежало, бежало и что-то не слишком быстро, но менялось вокруг так, что постепенно надобность в ветре постепенно стала исчезать. Паруса куда-то пропали, мельницы почему-то остановились...

Да, характер и так у ветра был не очень покладистый,

Можно даже сказать не уравновешенный совсем. А как забот у него становилось все меньше и меньше, то и совсем портиться стал.. Вот вывесила хозяйка, например, белье, сушить на улицу... Белье чистое, душистое.. А ветра нет... Хозяйка посматривает на поникшие на веревках детские платяца да штанишки и ворчит: « Неудачно, сегодня стирку затеяла, погода не ветренная, белье долго сохнуть будет, до вечера, а гладить когда? Хоть бы ветерок подул, подсобил...» А у ветерка сегодня не то настроение, чтоб подсоблять. Да и что за работа... белье высушить... баловство одно. Зашуршал где-то в макушках деревьев, листочками пошевелил, да и все, и затерялся там. Нет настроения. Не будет помогать.

Иногда, правда в хорошую погоду солнечную, наоборот, захочет пошалить и тогда не только белье в два счета высушит, но и косы и прически у горожанок растреплет... смешно ему на лохматых барышень посмотреть. Иногда ветер звал в гости дождь или даже бурю. А вот настроение такое вдруг, побушевать. И, тогда, ух! Не только зонтики из рук, тех барышень отберет, а может и крыши с домов сорвать.

Временами ветер хандрил сильно, можно сказать злой становился. Тогда носился туда-сюда без толку, как злой дух. Зимой носы морозил, глаза путникам снегом закидывал, мог даже дорогу завьюжить так, что и потеряться человеку недолго. Летом деревья ломал, особо упрямых мог с корнем вырвать и на дорогу уронить: « А, вот вам! Нечего у меня злого на пути становиться!». Осенью листья не давал убрать

дворникам. Они уберут, а он опять разбрасывает, они снова уберут, а он... и так друг друга мучают, пока не устанут. Что говорить, очень вредные и опасные забавы злой ветер может устроить. А злость откуда? От ненужности, можно сказать. Как жить, если в тебе ни у кого нужды нет?

Но мир так устроен, что есть в нем такое волшебное понятие как «вдруг» Вот и с ветром произошло однажды это «вдруг». Удивительное и красивое! И еще очень волнительное для души. Ветер до этого момента и не знал, что у него есть душа. Потому что до этого момента не слышал никогда свою... музыку...

Родители девочки Жени, приехали на море отдохнуть, побродить по морскому берегу, подышать морским воздухом, насыщенным йодом и удивительным флером дальних странствий, приносимым ветром. Родители были довольны, что удалось вырваться из душного города и показать первый раз дочери море. Они так долго собирались, строили планы, и вот все, наконец, удалось. Вот только Женя довольной не выглядела. Ей было скучно. И.. у нее были совсем другие интересы. Дома она давно просила родителей, чтобы купили ей пианино. Она так мечтала прикоснуться к клавишам этой волшебной вещи. Но ей только обещали. Все время находилась причина, чтобы отложить покупку. То одна, то другая. Женя пока не понимала, что ее родители просто не почувствовали в своей дочери глубокий, внутренне убежденный интерес к музыке. Тот, что называют душевной тягой.

Через несколько дней, огорчаясь от хмурого лица дочери, родители все же решили как-то поднять ей настроение. Все же они очень ее любили и решили порадовать каким-нибудь подарком. И когда спросили ее, о том, чего бы она хотела, Женя молча довела маму с папой до магазина, где продавали музыкальные инструменты. Родители в растерянности смотрели, как рука девочки трепетно гладит белые, такие теплые клавиши пианино. Они не могли выполнить это ее желание...сейчас. Но и не выполнить не могли...тоже. Может быть что-то пока другое? То, что звучит, но что можно унести в руках...Взгляды остановились на флейте. Жене был куплен этот музыкальный инструмент, и было заметно, что ее настроение заметно улучшилось...Она, бережно несла футляр с флейтой, и ей нестерпимо хотелось скорее попробовать. Поэтому, когда семья, неторопливо прогуливаясь, дошла до побережья и родители устало присели на изящную скамеечку, Женя открыла футляр. Осторожно поднесла инструмент к губам. И, ...конечно, музыка не случилась. Но звук, такой печальный, чуть хриловатый, как будто море шуршит по песку или ветер осторожно пробирается в тростнике...он получился...потому что девочка очень этого хотела...

Ветер, вдруг совершенно случайно оказавшийся в этот вечер рядом, тоже этого очень хотел. Он очень хотел помочь этому грустному ребенку. Поэтому проскользнул в отверстия флейты и помог ей зазвучать.

Ветер потом спросил у моря: « Ты это слышал?» Море прощуршало в ответ: «Слышал, чувствовал. Это...похоже на счастье...когда одна душа поет,...а другая ей вторит...» Вот так.

Картинка использована с сайта: <http://www.netbian.com/desk/4281-1440x900.htm>